

Ба 2946

Алчук Н. А.

Киркор К.

52946
 Вол. отд. дел
 1994 г.

Дорогому другу и помощ-
 нику Василь Александровичу
 Горбунеру
 въ знакъ искреннаго уваженія
 и благодарности

А.-Г. К. Киркоръ,

дася автору
 Москва.
 8 нояб. 1889 г.

ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссiи¹⁾.

(некрологъ).

Почти незамѣтно проскользнуло для нашихъ ученыхъ извѣстiе о кончинѣ Адама-Гонорiя Карловича Киркора, одного изъ самыхъ неутомимыхъ дѣятелей, какихъ выставила для науки наша западная окраина. Не будетъ излишнимъ поэтому посвятить нѣсколько словъ воспоминанiю этой трудовой, недавно еще окончившейся жизни.

Смерть постигла Киркора на 69-мъ году жизни, въ ноябрѣ прошлаго года, въ Краковѣ, гдѣ онъ жилъ въ послѣднiе годы, удрученный старостью и измученный продолжительною болѣзнью. Покойный былъ уроженецъ Бѣлоруссiи и почти всю свою жизнь посвятилъ изученiю этого края и близко соприкасающейся съ нимъ Литвы. Онъ какъ бы замыкаетъ собою тотъ длинный рядъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, который такъ достойно былъ начатъ извѣстнымъ польско-русскимъ археологомъ и этнографомъ-собирателемъ Зорiаномъ Доленгою-Хрдаковскимъ (Ад. Чарноцкимъ) и продолженъ братьями Е. и К. Тышкевичами, Ө. Нарбуттомъ, Игн. Ходзько, Чечотомъ и другими. Имъ прежде всего обязана наша наука многими изысканiями по

¹⁾ Читано въ засѣданiи московскаго археологическаго общества.

части исторіи, археологіи и этнографіи западныхъ областей нашего отечества, и къ ихъ трудамъ будетъ обращаться вслкій, кто пожелаетъ ближе познакомиться съ исторіей нашей западной окраины и съ духовною жизнью литовскаго и бѣлорусскаго народовъ. Была, конечно, у этой плеяды и свои увлеченія, не свободныя подъ частъ отъ нѣкоторой тенденціи, но гдѣ-же ихъ нѣтъ? Серьезный и безпристрастный человѣкъ сумѣетъ отличить правду, выберетъ изъ трудовъ этихъ ученыхъ здоровыя зерна, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ тамъ не мало, и съ благодарностью помянетъ людей, посвятившихъ жизнь, трудъ и средства для пользы своей родины и поддерживавшихъ такъ или иначе священное пламя на очагѣ родной науки.

А. К. Киркоръ родился въ 1818 году, т. е. именно въ тотъ самый годъ, когда появился трудъ помянутаго Ходаковского: «(С) славянствѣ въ до-христіанскій періодъ». Родиною Киркора была могилевская губернія, гдѣ отецъ его былъ, кажется, сельскимъ униатскимъ священникомъ гдѣ-то около города Мстиславля. Учился онъ сначала въ могилевской гимназіи, а потомъ въ дворянскомъ институтѣ въ Вильнѣ. По окончаніи образованія онъ остался жить въ этомъ городѣ, получивъ должность секретаря при губернскомъ правленіи. На эту чиновничью службу онъ смотрѣлъ, какъ на горькую необходимость, и всегда искалъ знакомства и дружбы въ средѣ людей болѣе просвѣщенныхъ, желая посвящать свободныя минуты для болѣе возвышенныхъ цѣлей. Въ числѣ его друзей былъ между прочимъ профессоръ бывшаго виленскаго университета, археологъ Михаилъ Гомолицкій. Подъ его-то вліяніемъ развилась въ Киркорѣ страстная любовь къ занятіямъ древностями и, благодаря этому, онъ оказалъ большую услугу разработкѣ мѣстной исторіи и особенно археологіи. Онъ раскопалъ систематически болѣе 1,000 кургановъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, изслѣдовалъ и описалъ множество городищъ и замковищъ. Рядомъ съ археологіею шли также занятія по этнографіи, которой онъ отдавался съ неменьшимъ увлеченіемъ и уже въ 1839 году написалъ статью «О языческихъ обрядахъ въ Бѣлоруссіи». Болѣе 30 лѣтъ прожилъ онъ въ Вильнѣ и въ теченіе этого времени работалъ для Вильны и виленской губерніи по преимуществу.

Лучшею иллюстраціею безкорыстной и неутомимой дѣятельностью Киркора будутъ служить многочисленныя труды, принадлежащія ему самому цѣлкомъ, или-же изданныя имъ въ сообществѣ съ другими на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Въ 1843 году, при участіи извѣстнаго Крашевскаго, издававшаго уже съ 1841 г. свой *Athenaeum*, а также М. Грабовскаго, М. Верещинскаго и др., Киркоръ приступилъ къ періодическому изданію «Радегастъ», названному такъ по имени одного изъ древне-языческихъ полабско-славянскихъ божествъ, представителя вещей и воинственной силы божества солнца, по объясненію нѣкоторыхъ мифологовъ. Журналъ долженъ былъ выходить на польскомъ языкѣ и служить главнымъ образомъ интересамъ западнаго края; но по выходѣ въ свѣтъ перваго тома изданіе пришлось прекратить по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Тогда Киркоръ подъ псевдонимомъ Яна изъ Сливина (*Jan ze Sliwina*) задумалъ издавать «Памятники умственной жизни» (*Pamiętniki umysłowe*); въ теченіе 1845—46 гг. ихъ вышло три книги, и на этомъ изданіе прекратилось.

Вкорѣ послѣ этого Киркоръ былъ избранъ членомъ виленскаго губернскаго статистическаго комитета, а также членомъ имп. археологическаго общества. Благодаря этому для него открылся болѣе широкій кругъ дѣятельности. Онъ сталъ производить научныя изслѣдованія въ западныхъ губерніяхъ, совершая отъ времени до времени поѣздки, издавалъ и редактировалъ рядъ трудовъ и отдѣльныхъ статей по исторіи, археологіи, этнографіи, статистикѣ и отчасти даже лингвистикѣ. Съ 1850 по 1854 г. онъ редактировалъ «Памятныя книжки виленской губерніи», издававшіяся при губернскомъ статистич. комитетѣ. Это изданіе, какъ и всѣ ему подобныя, предназначалось собственно для справочныхъ цѣлей, но кромѣ того тамъ былъ отдѣлъ неофициальный, и Киркоръ, какъ знатокъ края, сумѣлъ придать живой интересъ этому дѣлу и сообщить ему серьезный характеръ. Самъ онъ велъ тамъ постоянную рубрику «Виленскія воспоминанія» и кромѣ того помѣстилъ еще слѣдующія свои статьи: «Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ виленской губерніи до 1852 г.» (Пам. кн., 1852 г.), «Очерки городовъ виленской губерніи» (*ibid.*), «Статистическій взглядъ на виленскую губернію» (1853 г.). Къ этому-же времени относится его «Историко-статистическіе очерки

- ✓ виленской губерніи» (1852 г., 2 т., съ таблицами) и «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа» (1854 г.), издаанныя виленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Какъ дѣйствительный членъ имп. рус. географическаго общества, Киркоръ печаталъ свои труды и въ изданіяхъ этого общества. Такъ, въ 1854 г. въ «Вѣстникѣ имп. рус. геогр. общ.» помѣщена его статья: «Населеніе г. Вильны и его статистика за послѣдніе 22 года». Позднѣе, въ 1857—58 г. въ томъ-же изданіи появился его большой очеркъ подъ заглавіемъ: «Этнографическій взглядъ на виленскую губернію», составленный согласно программѣ, выработанной обществомъ. Для большаго распространенія этого интереснаго труда общество перепечатало его цѣликомъ и въ другомъ своемъ изданіи, «Этнографическомъ Сборникѣ» (вып. 3), гдѣ онъ занялъ болѣе одиннадцати печатныхъ листовъ¹⁾. Тутъ, послѣ общаго введенія, трактуется о наружности жителей виленской губерніи, о языкѣ, о домашнемъ и общественномъ бытѣ, объ обычаяхъ и обрядахъ, о народномъ лѣченіи и лѣкарствахъ, объ увеселеніяхъ и музыкѣ, о нравственности, объ умственныхъ способностяхъ и образованіи, о народныхъ преданіяхъ и о памятникѣхъ, наконецъ, приведено болѣе сотни бѣлорусскихъ и отчасти литовскихъ пѣсень и около 200 пословицъ, и приложено объясненіе словъ. Большая часть наблюденій, сдѣланныхъ авторомъ надъ жизнью населенія виленской губерніи, можетъ быть отнесена ко всѣмъ бѣлоруссамъ и литовцамъ вообще, такъ что, не смотря на свои повидимому узкія рамки, этотъ трудъ имѣетъ общее значеніе для изученія Бѣлоруссіи и Литвы. ВЪ 1856 г. Киркоромъ изданы въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ «Прогулки по Вильнѣ и его окрестностямъ», основательно знакомящія читателя съ историческими достопримѣчательностями этого древняго города, бывшаго нѣкогда столицею литовскаго княжества; это изданіе было въ 1859 г. повторено съ дополненіями. Въ томъ-же 1856 году, при участіи М. Гусева, М. Балинскаго и Л. Кондратовича онъ издалъ на русскомъ и на польскомъ языкахъ «Записки виленской археологической комисіи», гдѣ между прочимъ помѣстилъ свою статью: «О значеніи и успѣхахъ археологіи».

¹⁾ См. также „Extraits des publications de la Société Impér. Géographique de Russie en 1856—57, Спб. 1859 г.

Продолженіе этого изданія явилось отдѣльнымъ выпускомъ въ 1858 г. и было обработано Киркоромъ при содѣйствіи П. Малиновскаго. Въ промежуткѣ между этими изданіями появились въ «Извѣстіяхъ имп. рус. археологич. общества» (1857 г.) еще слѣдующія статьи Киркора: «Археологическія разысканія въ виленской губерніи» и «Изображеніе литовской богини Мильды» (съ рис.). Другія его статьи разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ и журналамъ, не только русскихъ, но и польскимъ (напр. въ журналѣ «Biblioteka Warszawska», 1855 г.); разыскать и точно обозначить всѣ эти труды будетъ задачею библіографа, имѣющаго возможность наводить всѣ необходимыя для этого справки.

Однимъ изъ выдающихся событій въ умственной жизни Вильны этого времени было между прочимъ основаніе въ Вильнѣ, по инициативѣ гр. Евст. Тышкевича, музея древностей, предназначеннаго для храненія памятниковъ старины западнаго края и существующаго до настоящаго времени. Киркоръ, какъ страстный археологъ и другъ Тышкевича, сразу принялъ весьма дѣятельное участіе въ этомъ учрежденіи, какъ въ его устройствѣ, такъ особенно въ обогащеніи коллекціями, добываемыми во время своихъ раскопокъ и получаемыми отъ разныхъ лицъ и любителей древностей и рѣдкостей. Назначенный затѣмъ вполне заслуженно «консерваторомъ» археологическаго отдѣленія музея, онъ составилъ въ 1858 г. первый опытъ систематическаго описанія музея подъ заглавіемъ «Перечневый каталогъ предметовъ въ виленскомъ музеѣ древностей». Изъ этого перечня видно, что въ самомъ началѣ своего существованія музей имѣлъ болѣе 3,000 отдѣльныхъ предметовъ, касающихся духовнаго и внѣшняго быта древнихъ литовцевъ и бѣлоруссовъ, не считая въ томъ числѣ нумизматическихъ, естественно-историческихъ и библіографическихъ коллекцій, которымъ также было положено прочное начало.

Поѣздки съ научною цѣлью, раскопки, составленіе отчетовъ и статей съ изложеніемъ результатовъ этого изученія, наконецъ редактированіе историко-статистическихъ трудовъ и занятія по музею—все это не оставляло для него почти ни минуты свободнаго времени, и не смотря на это, онъ мечталъ еще о періодическомъ изданіи, посвященномъ мѣстнымъ интересамъ. Объ изданіи на русскомъ языкѣ въ тогдашнее время въ Вильнѣ нечего было и думать.

потому что слишком мало было мѣстныхъ русскихъ силъ, которыя могли-бы поддерживать изданіе. И вотъ въ 1857 г. Киркоръ, на-вербовавъ себѣ надежныхъ сотрудниковъ, приступилъ къ изданію извѣстнаго «Виленскаго Портфѣля» (*TeKa wilencka*)¹⁾; но ему не суждено было долго существовать. До 1863 г. его вышло всего восемь книгъ, въ которыя однако вошелъ весьма богатый и разнообразный матеріалъ, имѣющій большое значеніе для исторіи умственного движенія на нашей западной окраинѣ въ великую эпоху 60-хъ годовъ. Съ воцареніемъ Александра II почувствовалось приближеніе «новыхъ дней», началось обсужденіе разныхъ вопросовъ и настоятельныхъ реформъ, выдвинутыхъ наукою и еще болѣе жизнью, съ необыкновеннымъ жаромъ и серьезностью; все встрепенулось, и провинція не только не отставала въ этомъ отношеніи отъ столичныхъ центровъ, но иногда и опережала ихъ, потому что провинціальныя дѣятели ближе стояли къ народной массѣ и отчетливѣе понимали необходимость той или другой реформы, практическое значеніе того или другого вопроса. Вильна была однимъ изъ главныхъ провинціальныя центровъ, гдѣ кипѣла духовная жизнь. Въ сентябрѣ 1858 года этотъ городъ удостоился посѣщенія государя императора, пробывшаго тамъ два дня. Государь былъ восторженно привѣтствуемъ всѣми безъ различія національностей и сословій. Ученикъ Сырокомли Викентій Коротыньскій посвятилъ Александру II отъ имени народа стихотвореніе на бѣлорусскомъ языкѣ: «его милости, государю императору Александру Николаевичу пѣсня зъ поклономъ одъ литовско-русинской мужицкой громады»; а кружокъ литераторовъ и мѣстныхъ ученыхъ съ Киркоромъ во главѣ удостоился поднести государю «альбомъ», или вѣрнѣе историко-литературный сборникъ, составленный въ память этого радостнаго событія и изданный виленскою археографическою комиссіею. Составители сборника въ предисловіи или посвященіи высказали самыя вѣрноподданическія чувства отъ лица всѣхъ народностей западнаго края и предрекали милость, свободу, равноправность. Извѣстный польскій поэтъ Антоній Эдвардъ Одынецъ помѣстилъ въ этомъ сборникѣ необыкновенно вдохновенное стихотвореніе или оду въ

1) Передъ этимъ было выхлопотано разрѣшеніе на изданіе журнала „*Goi-goy Litewska*“, но изданіе не осуществилось.

честь Александра II, подь заглавіемъ: «Przyjdź Królestwo Boże!» Киркоръ напечаталъ тамъ-же по русски «Историко-статистическіе очерки г. Вильны съ его достопримѣчательностями»; наконецъ Николай Малиновскій помѣстилъ статью на французскомъ языкѣ: «Литва со времени воцаренія Александра II». Эта горячая преданность русскому царю представителей польской интеллигенціи вызвала въ заграничной польской прессѣ цѣлую бурю. Ярые, непримиримые поляки-патріоты закидали ихъ грязью, публично обозвали измѣнниками. Польскій критикъ и публицистъ Юл. Клячко, изъ виленскихъ евреевъ, выпустилъ въ 1860 г. въ Парижѣ политическій памфлетъ, подь заглавіемъ: «Отступники» (odstepcy), направленный прямо противъ лицъ, участвовавшихъ въ названномъ сборникѣ; его поддержалъ другой публицистъ Уѣйскій въ своихъ «Письмахъ изъ подь Львова». Но все это не охладило Киркора, потому что онъ гораздо шире понималъ задачи истиннаго патріотизма, и интересы своего народа и своей родины были для него выше бессмысленныхъ фанатическихъ нападокъ.

Въ слѣдующемъ-же 1859 г. Киркоръ открылъ въ Вильнѣ собственную типографію, и съ этихъ поръ начался самый оживленный и самый блестящій періодъ его дѣятельности. Впослѣдствіи, уже въ глубокой старости, онъ всегда вспоминалъ объ этомъ времени, какъ о самой свѣтлой полосѣ. Эти воспоминанія онъ печаталъ въ 1884—85 гг. въ петербургскомъ «Краѣ» и въ «Дневникѣ Познанскомъ». Домъ Киркора былъ для всѣхъ открытъ и служилъ центромъ умственной жизни Вильны. По субботамъ бывали у него собранія, служившія не столько для увеселенія, сколько для обмѣна мыслей, споровъ, обсужденія разнаго рода вопросовъ. Постоянными гостями Киркора были: Сырокомля, Одынецъ, музыкантъ-композиторъ Моношко, писатель Игн. Ходзько, археологи и историки: Ө. Нарбуттъ, М. Балинскій, Н. Малиновскій, бр. Тышкевичи, гр. Тизенгаузъ и многіе другіе. Иногда эти субботніе вечера принимали литературный характеръ, особенно когда Вильну посѣщала какая-нибудь знаменитость. Тутъ устраивали свои концерты извѣстные братья Венявскіе, Контскіе Антонъ и Аполинарій; о послѣднемъ Киркоръ еще въ 1852 г. издалъ даже брошюрку въ память его пребыванія въ Вильнѣ. Съ открытіемъ собственной типографіи, Киркоръ снова принялся за періодическія изданія. Въ 1859—62 гг. онъ издалъ подь

извѣстнымъ уже псевдонимомъ два тома «Виленскаго Сборника» (Pismo zbiorowe wileńskie), а въ 1860 г., кромѣ того, принялъ на себя изданіе и редакцію газеты «Виленскій Вѣстникъ» («Kurier Wilenski»), причеиъ главнымъ помощникомъ его былъ Н. Малиновскій. Это былъ оффиціальный литературно-политическій органъ, предназначенный для Литвы и Бѣлоруссіи и печатавшійся на двухъ языкахъ: русскомъ и польскомъ. Существованіе мѣтнаго органа было чрезвычайно важно для края, особенно въ такое время, когда съ жаромъ обсуждались вопросы, касающіеся крестьянской реформы; нужно было только умѣніе вести. Успѣхъ газеты подь его руководствомъ былъ таковъ, что вмѣсто прежнихъ 400 подписчиковъ явилось 3,000 съ лишнимъ. Но тутъ начались разныя дрязги и непріятности, была растрчена значительная сумма подписныхъ денегъ, издатель потерпѣлъ до 10,000 р. убытку и наконецъ долженъ былъ отказаться отъ изданія, чему не мало способствовали и политическія волненія, охватившія въ то время нашу западную окраину.

Это были послѣдніе годы жизни и дѣятельности Киркора въ Вильнѣ. Къ этому періоду относятся еще слѣдующіе его труды на польскомъ языкѣ: «Литва въ историческомъ, научномъ и статистическомъ отношеніяхъ» (1862 г.), «Путеводитель по Вильнѣ» съ весьма обильными историческими свѣдѣніями (1862 г., второе изданіе вышло въ 1880 г.) и «Вильна и желѣзныя дороги», путеводитель съ планами и видами г. Вильны и съ картою желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, въ «Сборникѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по виленской губерніи», изданномъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, онъ помѣстилъ статью на русскомъ языкѣ: «Краткое обзорѣніе ученой дѣятельности по части статистики въ литовскомъ краѣ и въ особенности въ виленской губерніи» (I ч., 1863 г.).

Въ концѣ слѣдующаго 1864 года, московское археологическое общество избрало Киркора своимъ дѣйствительнымъ членомъ, и какъ-бы въ благодарность за оказанную ему честь онъ помѣстилъ впоследствии въ «Трудахъ» этого общества, имѣющихъ специальное названіе «Древности», свое изслѣдованіе: «Монетное дѣло въ Литвѣ» (т. II, 1869 г.), вышедшее также отдѣльнымъ оттискомъ въ 1870 г. Впрочемъ и раньше еще онъ доставилъ этому обществу цѣлый рядъ статейъ и замѣтокъ, которыя вошли въ число матеріаловъ

для археологическаго словаря, печатаемыхъ въ «Древностяхъ». За-
мѣтимъ кстати, что Киркоръ первый началъ составлять бѣлорус-
скій словарь, и если у него, можетъ быть, не доставало необходи-
маго для этого основательной филологической подготовки, то за то
у него было основательное знаніе народа и близкое знакомство съ
живою народною рѣчью. Объясненія бѣлорусскихъ словъ встрѣча-
лись въ печати уже и раньше или одновременно у этнографовъ-со-
бирателей, напр. въ сборникѣ пѣсенъ И. Чечота (*Piosnki wiesniacze
z nad Niemna i Dzwiny, Wilno. 1846*), а также у разныхъ мелкихъ
мѣстныхъ писателей, обрабатывавшихъ въ стихотворной и проза-
ической формѣ народно-бѣлорусскія темы, напр. у Дуинь-Марцин-
кевича (*Ciekawys—przeczytaj! Минскъ, 1856 г. Dudarz białoruski, ib.
1857 г.*) и другихъ. Но все эти словарики ограничивались, ко-
нечно, нѣсколькими десятками словъ, требовавшихъ объясненія для
точного пониманія текста. Между тѣмъ Киркоръ, при составленіи
своего списка бѣлорусскихъ словъ, руководствовался уже именно
мыслью составить опытъ слова вообще, независимо отъ того или
другаго текста. Подобную попытку сдѣлалъ еще въ 1851 г. про-
тоіерей Григоровичъ, но смерть не позволила ему привести въ
исполненіе свое намѣреніе, такъ что словарики Киркора остаются
все таки первымъ печатнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Онъ помѣ-
щенъ въ видѣ приложенія въ упомянутомъ выше этнографическомъ
описаніи виленской губерніи (Этногр. Сб., в. 3, Вѣстн. рус. геогр.
общ., ч. XXI). Къ сожалѣнію, послѣдующіе составители бѣлорус-
скаго словаря, какъ г. Микуцкій, такъ и г. Носовичъ, не сочли
даже нужнымъ упомянуть имя Киркора, какъ своего предшествен-
ника въ этой области научнаго изслѣдованія.

Послѣ передачи въ другія руки «Виленскаго Вѣстника» Кир-
коръ оставилъ Вильну и переѣхалъ въ Петербургъ. Съ 1867 г.
онъ началъ издавать тамъ большую ежедневную газету на русскомъ
языкѣ «Новое Время». Сначала онъ велъ это дѣло вмѣстѣ съ Юма-
товымъ, а съ апрѣля 1869 г. изданіе перешло въ его полную соб-
ственность и печаталось въ его же типографіи. Кромѣ общихъ во-
просовъ внѣшней и внутренней политики, въ газетѣ обращалось
особенное вниманіе на вопросы касающіеся западнаго края. Они
обсуждались и въ передовыхъ статьяхъ и въ мѣстныхъ корреспон-
денціяхъ, которыя помѣщались въ газетѣ въ большомъ колич-

Мы не будем останавливаться на томъ, какъ именно освѣщались въ газетѣ тѣ или другіе факты изъ общественно-политической жизни нашего запада, не будемъ однимъ словомъ говорить о направленіи газеты, но не можемъ не упомянуть о томъ, что уже въ то время изданіе это возбудило въ нѣкоторыхъ подозрѣніе въ какихъ-то польско-шляхетскихъ тенденціяхъ, въ желаніи идеализировать панское землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ и т. д. Намъ кажется, что если газета и говорила иногда за пановъ, то развѣ только въ томъ смыслѣ, чтобы ихъ не ставили въ какое-то исключительное положеніе среди другихъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ этого края и чтобы на нихъ смотрѣли, какъ и на другихъ, безъ предвзятыхъ мыслей и подозрѣній; а требованіе болѣе справедливаго отношенія къ человѣку еще нельзя назвать идеализаціею, прославленіемъ его достоинствъ въ ущербъ другимъ. Какъ бы тамъ не было, Киркоръ очень дорожилъ успѣхомъ своего изданія, убилъ на него все свое состояніе, и не смотря на это, могъ протянуть его существованіе только до 1871 года включительно.

Надломленный трудомъ, огорченный неудачами 50-лѣтній старикъ, онъ принужденъ былъ наконецъ совсѣмъ покинуть не только свою родину, но и отечество. Поселявшись въ Краковѣ, онъ опять попробовалъ въ слѣдующемъ же 1872 г. издавать большой, общедоступный журналъ на польскомъ языкѣ «На сегодня» (Na Dziś), посвященный литературѣ, наукѣ, искусству, сельскому хозяйству, торговлѣ и промышленности. Вышло три книжки, но дальшее изданіе не могло продолжаться по недостатку средствъ. Положеніе Киркора въ это время было далеко не завидное. Ради заработка онъ писалъ статьи въ разные журналы, пробовалъ даже читать публичныя лекціи и пробивался кое-какъ. Изъ его литературныхъ трудовъ, относящихся къ этому времени, упомянемъ слѣдующее: ✓ «Очерки современной русской литературы» (Tygodnik Wielkopol., Познань, 1873 г.), «О литературѣ родственныхъ славянскихъ народовъ» (Краковъ, 1874 г.), «П отдѣлъ краковской академіи наукъ, ✓ историко-библіогр. очеркъ» (Славянскій сборникъ, изданіе славян. благотворит. комитета, СПб. 1876 г., т. III), «О древнихъ славянахъ (1875 г.), «Славяне въ Венгріи» (1875 г.), «Прибалтійскіе ✓ славяне» (Przeł. archeol., Львовъ, 1876 г.), «Славянская этнологія» ✓ (2), «Картины литовской жизни» (Познань 1875 г.), «Ризница ви-

ленскаго кафедральнаго собора и его богатство» (Kwartalnik, изд. при Kłosach, 1877 г., II), «Литва и Бѣлоруссія въ историческомъ, географич., статистич. и археологическомъ отношеніяхъ» (Opisnik Domowy, 1875 г., Варшава). За исключеніемъ статьи объ академіи, все это было написано на польскомъ языкѣ и только послѣдній изъ названныхъ трудовъ былъ обработанъ самимъ-же Киркоромъ по русски и въ видѣ монографіи о Литвѣ и Бѣлоруссіи помѣщенъ въ изданной Вольфомъ «Живописной Россіи». Эта монографія заняла почти весь 3-й томъ названнаго изданія, вышедшій въ свѣтъ въ 1882 году (тамъ-же помѣщены еще двѣ статьи П. П. Семенова о современномъ экономическомъ состояніи Литвы и Бѣлоруссіи и статья С. В. Максимова «Бѣлорусская Смоленщина») и о важности ея можно судить уже по тѣмъ разнообразнымъ вопросамъ, какіе въ ней затронуты. Первая часть труда трактуеть о литовскомъ Полѣсьѣ и заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: 1) Первобытныя времена литовскаго Полѣсья, 2)) Народности литовскаго Полѣсья и ихъ жизнь, 3) Литовскій языкъ и литовская мифологія, 4) Природа древней Литвы, 5) Современная природа Литвы, 6) Историческія судьбы литовскаго Полѣсья, 7) Просвѣщеніе и народное творчество Литвы, 8) Городъ Вильно, 9) Городскія поселенія въ Литвѣ и народный трудъ въ Литвѣ. Вторая часть содержитъ въ себѣ всестороннее изслѣдованіе бѣлорусскаго Полѣсья, изложенное по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Памятники времени первобытныхъ, 2) Слѣды язычества въ народныхъ празднествахъ, обрядахъ и пѣсняхъ, 3) Народная жизнь, 4) Историческія судьбы бѣлорусскаго Полѣсья, 5) Умственные силы и средства образованія, 6) Природа Бѣлоруссіи, 7) Долина Припечи, 8) Поселенія въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ. Появленіе этого труда на русскомъ языкѣ возбудило сильныя подозрѣнія и вызвало нѣсколько журнальныхъ статей, направленныхъ противъ его автора и издателей, хотя въ сущности эти нападки не имѣли достаточныхъ основаній¹⁾. Если были вѣрно

¹⁾ Помѣтивъ въ свое время въ нашемъ изданіи одну изъ такихъ статей, въ виду загадочной брошюры Либеровича (см. „Кіев. Старину“ 1884 г., август. кн., стр. 681—701), мы, въ видахъ безпристрастія, тѣмъ охотѣе даемъ теперь мѣсто отзыву другаго рода, не отрицающему въ трудѣ Киркова нѣкоторыхъ историческихъ погрѣшностей, но не выдающему въ немъ предвзятой антирусской

указаны нѣкоторые фактическіе промахи, почти неизбежныя во всякомъ единоличномъ трудѣ, то на основаніи этого нельзя еще съ увѣренностью сердцевода строить обвиненіе въ сепаратизмѣ, какъ это дѣлали нѣкоторые ярые обрусители, считающіе только себя носителями истинно-патріотическихъ идей. Особенно возсталъ противъ Киркора «Виленскій Вѣстникъ», а потомъ «Русь» (1884 г.). Нѣкто Либеровичъ издалъ въ Краковѣ, а за тѣмъ и въ Петербургѣ брошюрку: «Stara Polska w malowniczym opisie» (1883 г.), гдѣ авторъ хотѣлъ во чтобы то ни стало навязать изданію Вольфа какую-то политическую тенденцію. И вотъ эти-то взгляды какого-то фанатичнаго поляка были приняты противниками за самый неопровержимый аргументъ, между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, это была только неумѣстная и смѣшная выходка одного изъ лагеря непримиримыхъ, готовыхъ придаться ко всему. Профессоръ Кояловичъ, не чуждый, кажется, мысли представлять собою всю Бѣлоруссію и Литву сразу, напалъ съ нѣкоторою какъ бы завистью на издателей «Живописной Россіи» за то, что они пригласили участвовать въ этомъ изданіи не надежныхъ и безпристрастныхъ русскихъ историковъ и писателей, къ когорымъ онъ, конечно, причисляетъ и себя, а какихъ-то, по его выраженію, «носителей чисто окраинныхъ идей». Объ упомянутомъ 3-мъ томѣ этого изданія г. Кояловичъ писалъ въ своей «Исторіи русскаго самосознанія» слѣдующее: «Онъ (т. е. 3 томъ) почти весь представляетъ воспроизведеніе польскихъ воззрѣній и польскихъ пригизаній на Литву и Бѣлоруссію. Главнымъ авторомъ этого тома, главнымъ такъ сказать строителемъ путемъ науки польскаго зданія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи былъ г. Киркоръ, обладающій, какъ и г. Спасозичъ, и русскимъ и польскимъ образованіемъ, и у котораго, подъ видомъ гуманности и научности, тоже вездѣ видны великая неправда и фанатизмъ по отношенію ко всему русскому, какъ это русское сложилось во времена московскія и сохраняется во всѣ времена послѣ-петровскія» (стр. 448, 1884 г.). Такихъ голословныхъ обвиненій можно наговорить, сколько угодно; но врядъ-ли безпристрастный читатель «Живописной Россіи» и въ частности труда Киркора согласится съ ними. При мысли, проглядѣть которую было бы страннымъ для редакціи, составленной изъ авторитетовъ русской науки (какъ г. Семеновъ), стоящихъ выше всякихъ подозрѣній въ сочувствіи польскимъ тенденціямъ.—*Ред.*

держиваясь образнаго языка г. Кояловича, можно сказать, что Киркоръ вовсе не имѣлъ пополозновенія сдѣлаться «строителемъ польскаго зданія въ Литвѣ и Бѣлоруссiи»,—подобное стремленіе было бы крайне смѣшно въ 80-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; напротивъ онъ показалъ, хотя только слегка, какъ это зданіе дѣйствительно строилось нѣкогда и какъ оно рухнуло, не имѣя подъ собою прочныхъ основаній. Неужели можно ставить въ вину историкъ то, что онъ показываетъ степень вліянія одного государства на другое, одной націи и ея быта, религіи и культуры на другую? Неужели справедливо требовать отъ него, чтобы онъ умалчивалъ о томъ, о чемъ намъ непріятно вспоминать? Говорить о Литвѣ и Бѣлоруссiи и умолчать о вліяніи Польши было бы все равно, что писать исторію Россіи и не упомянуть о монгольскомъ игѣ. Горько было выслушивать всѣ эти обвиненія почти 70-лѣтнему старику, который большую половину своей жизни отдалъ безкорыстному служенію родинѣ. Онъ не въ силахъ былъ отвѣчать на всѣ эти памфлеты, а его обвинителямъ это было на руку. Только въ прошедшемъ году въ одномъ изъ галицкихъ журналовъ нѣкто А. Щепанскій написалъ обвинителямъ Киркора отвѣтъ, котораго намъ, къ сожалѣнію, не пришлось доселѣ прочитатъ; знаемъ только, что авторъ опровергаетъ упреки, дѣлаемые Киркору и старается доказать всю добросовѣстность его труда.

Сдѣланный нами перечень работъ Киркора, относящихся къ періоду его заграничной жизни, былъ бы недостаточенъ для полной характеристики его тамошней дѣятельности и могъ бы повести къ невѣрному заключенію, что съ переездомъ за границу Киркоръ сдѣлался исключительно кабинетнымъ ученымъ и только повторялъ въ разныхъ передѣлкахъ свои прежнія работы и изслѣдованія. Но этого нельзя допустить, зная уже его прежнюю вѣчно подвижную жизнь и его натуру, постоянно ищущую дѣла, новыхъ занятій, новаго труда. Привыкнувъ еще на родинѣ къ непосредственнымъ наблюденіямъ надъ народною жизнью, пристрастившись къ научнымъ поѣздкамъ, къ раскопкамъ и другимъ подобнымъ изслѣдованіямъ, онъ и подъ старость не могъ навсегда замкнуться въ стѣнахъ города; его тянуло въ деревню, къ народу, къ курганамъ, къ городищамъ, а новая, еще мало для него знакомая страна представляла такой богатый матеріалъ для наблюденій и изслѣдованій, ко-

торыя были его призваніемъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи поддержку со стороны краковской академіи наукъ. Она избрала его своимъ членомъ, а потомъ назначила его хранителемъ коллекцій археологическаго отдѣленія. Небольшая субсидія, отпускаемая этимъ отдѣленіемъ академіи, дала ему возможность совершить цѣлый рядъ поѣздокъ въ разныя мѣста Галиціи съ научною, главнымъ образомъ археологическою цѣлью. Результаты своихъ изслѣдованій онъ излагалъ въ видѣ рефератовъ въ засѣданіяхъ комисій, учрежденныхъ при академіи по отдѣламъ археологіи, антропологіи съ этнографіею, филологіи и пр., а потомъ эти отчеты печатались въ трудахъ названныхъ комисій. Упомянемъ слѣдующія статьи и изслѣдованія: «Археологическія разысканія въ окрестностяхъ Бабице и Квачалы», «Разысканія въ Квачалѣ» (оба 1873 г.), «Покуты въ археологическомъ отношеніи», «Разысканія памятниковъ старины въ ближайшихъ окрестностяхъ Кракова» (оба 1876 г.), «Археологическія изслѣдованія въ 1876 г.: 1) отчетъ о поѣздкѣ и перечень памятниковъ, 2) о каменныхъ гробницахъ на Подолѣ въ Галиціи, 3) отчетъ о поѣздкѣ въ Макишовѣ» (1877 г.), «Отчетъ объ археологическихъ памятникахъ, доставленныхъ въ академію изъ археологическо-антропологической поѣздки въ 1877 г.», «О важности и значеніи археологическихъ памятниковъ и о научномъ ихъ изслѣдованіи» (оба 1878 г.) и «Археологическія разысканія въ 1878 г.» (1879). Наконецъ, намъ извѣстна одна статья его, написанная по чешски, и помѣщенная въ любопытномъ изданіи Эдуарда Елинка: «Slovansky Sbornik», къ сожалѣнію, мало извѣстномъ нашимъ этнографамъ. Она о заглавлена: «Донисторическія могили и гробницы въ Польшѣ, Литвѣ и на Руси» (1881 г.).

Но мало-по-малу эти хлопотливыя занятія становились слишкомъ утомительными для старика, а кромѣ того и здоровье стало ему измѣняться. Надо же было, однако, жить на что-нибудь; между тѣмъ пособіе, выдаваемое отъ академіи, было слишкомъ недостаточно, а другою постояннаго дохода не было никакого. При такомъ критическомъ положеніи въ послѣдній разъ Киркоръ рѣшился издавать журналъ. Онъ вспомнилъ, что изъ прежнихъ его періодическихъ изданій ниня имѣли успѣхъ, кромѣ того его мысль о новомъ журналѣ встрѣтила сочувствіе среди старыхъ его друзей и сотрудниковъ, а также среди молодыхъ ученыхъ и литераторовъ, и въ

его распоряженіе поступило много бесплатныхъ статей по части археологіи, этнографіи, филологіи и педагогикки. Наконецъ въ 1884 году онъ публиковалъ объ изданіи «Краковскаго Портфеля» (TeKa Krakowska). Какъ по названію, такъ и по своимъ задачамъ и содержанию это изданіе было какъ бы продолженіемъ «Виленакаго портфеля», его далекимъ отголоскомъ, раздавшимся почти 30 лѣтъ спустя. Доживая свои послѣдніе годы въ одиночествѣ на чужбинѣ, Киркоръ съ какимъ-то трогательнымъ чувствомъ переносился мысленно въ мирные, тихіе уголки родной Литвы и Бѣлоруссіи. Это было для него единственнымъ средствомъ успокоенія среди тревоженій неприглядной жизни, единственною отрадою и поддержкою его нравственнаго существованія. По этому многія страницы своего изданія онъ посвящала описанію историческихъ мѣстностей и другихъ памятниковъ западнаго края. Но и это утѣшеніе было непродолжительно. Вышло два тома «Краковскаго Портфеля», а затѣмъ оказалось, что даже при даровыхъ статьяхъ нечѣмъ заплатить за печать и бумагу.

Такъ и заглохло это изданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала быстро замирать и горемычная жизнь этого труженика. Въ одномъ частномъ письмѣ, писанномъ къ своему другу на родину въ іюль 1884 года, онъ жалуется на свое бѣдственное положеніе. «Нлохо живется подь старость, говорятъ онъ: заработокъ трудень, надежнаго ничего нѣтъ, пособія отъ академіи не хватаетъ и на поѣздки. Съ 1839 года работая безпрестанно для Литвы, я всемъ для нея пожертвовалъ». Здоровье все ухудшалось; къ болѣзни сердца прибавилось рожистое воспаленіе, которое перешло въ послѣднее время въ гангрену. такъ что ему нельзя было ни дома работать, ни выходить изъ дому. Въ январѣ 1886 г. пишетъ онъ тому же пріятелю: «Поймите, что за положеніе человекъ, у котораго нѣтъ никакихъ средствъ, никакого постояннаго дохода, а жить все таки нужно. Доктора рѣшили, что у меня неизлѣчимая болѣзнь сердца и что каждую минуту я могу умереть. Однако смерть меня не пугаетъ: я достаточно жилъ. Что было въ моихъ силахъ и средствахъ, я сдѣлалъ и могу съ чистою совѣстью сказать, что для Литвы моя жизнь не прошла даромъ». Такимъ образомъ и въ послѣдніе дни жизни все свои мысли, все стремленія онъ обращалъ къ родному краю, и уже почти на смертномъ одрѣ корректировалъ свой послѣдній трудъ по археологіи города Вильна: «Bazylika Litews-

ка», который вышел отдельным оттиском за несколько дней до его смерти. Продолжительная болѣзнь исчерпала въ конецъ все средства. Были закладываемы вещи и рукописи, но вскорѣ и къ этому послѣднему средству нельзя было прибѣгать, потому что закладывать было нечего, и пришлось жить буквально на чужой счетъ и пользоваться бесплатнымъ леченіемъ знакомаго доктора. Наконецъ ¹²/₂₁ ноября 1886 года Киркоръ скончался на рукахъ сестры, которой не на что было даже вернуться изъ-за границы по смерти брата. Похороны совершились скромно въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ академіи, профессоровъ и литераторовъ, безъ стеченія публики, безъ рѣчей. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что все свои бумаги, коллекціи, картины, скульптурныя произведенія, гравюры, миниатюры и много другихъ вещей, имѣющихъ историческое значеніе для Литвы, а также свой портретъ, писанный масляными красками, покойный завѣщалъ краковскому народному музею.

Такъ отошелъ въ вѣчность неутомимый и энергичный работникъ на полѣ науки. Жизнь его еще разъ доказала намъ, какой тернистый путь и какая печальная кончина ожидаетъ нерѣдко людей, самоотверженно бросающихся на это неблагодарное поприще. И если при этихъ ежедневныхъ примѣрахъ, наводящихъ глубокую печаль и уныніе, все таки не изсякаетъ въ людяхъ стремленіе къ свѣту науки, то какъ сильна должна быть въ человѣкѣ та божественная искра, которая не даетъ ему погрязнуть въ мелочахъ обыденной, повседневной жизни и постоянно побуждаетъ его къ чему то высшему! Чрезвычайно поучительна жизнь людей, подобныхъ Киркору. Они ищутъ не собственной славы, не личной выгоды, а общественной пользы, при томъ пользы духовной, а не матеріальной. Они, правда, не пролагаютъ въ наукѣ новыхъ путей, не оставляютъ послѣ себя капитальныхъ произведеній, которыя бы служили свѣточами для потомковъ; но вся ихъ жизнь сама по себѣ представляетъ капитальный трудъ, — трудъ черный, но въ высшей степени полезный и необходимый, потому что на немъ зиждется послѣдующая наука. Дальнѣйшіе научные дѣятели большею частью забываютъ этихъ чернорабочихъ тружениковъ, или же, что еще печальнѣе, попрекаютъ ихъ, пользуясь плодами ихъ трудовъ, и не хотятъ простить имъ даже невольныхъ ошибокъ, отъ которыхъ никто не свободенъ. Киркору еще при жизни, какъ мы видѣли,

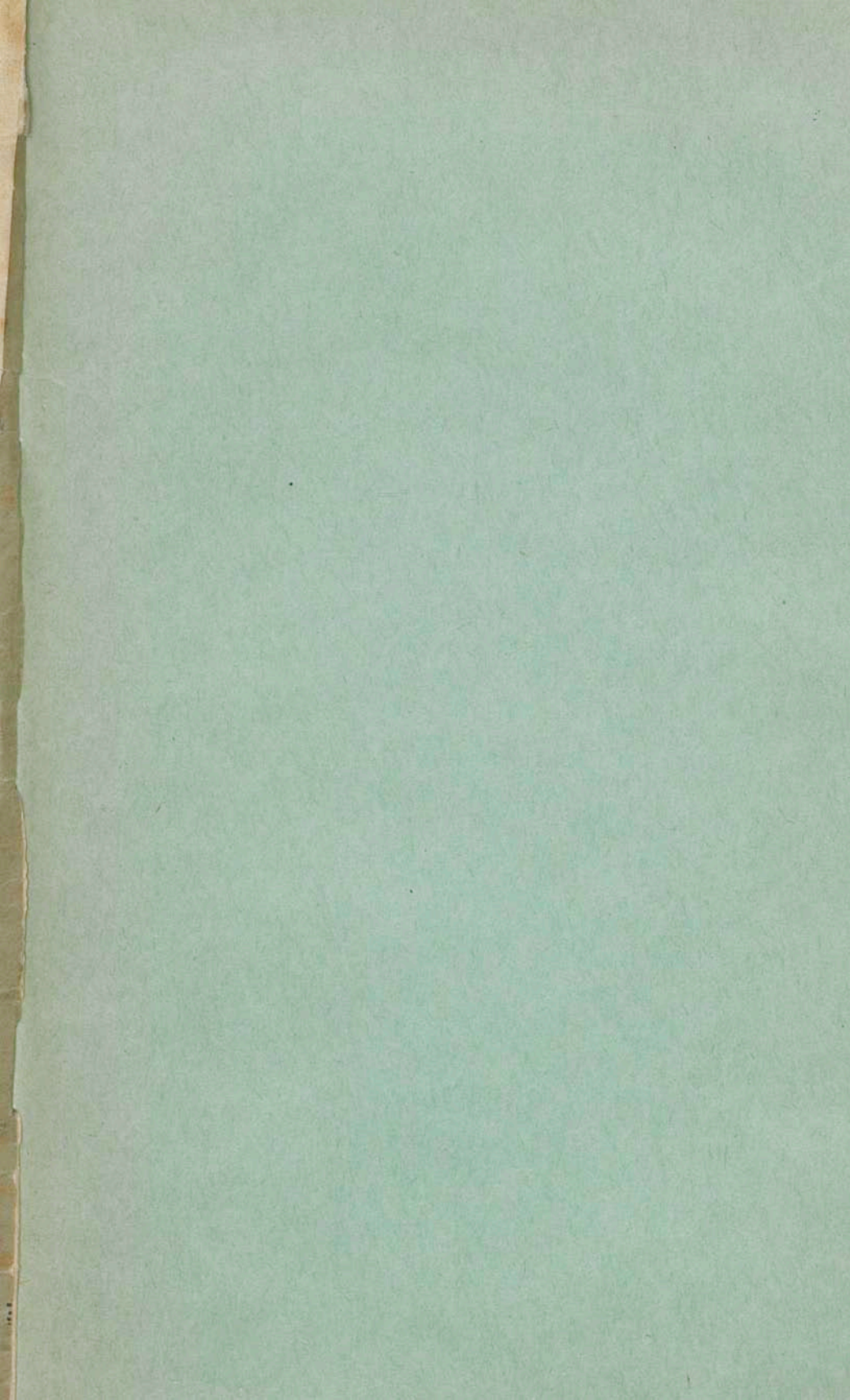
пришлось претерпѣть не мало упрековъ, злостныхъ нападокъ и обвиненій съ разныхъ сторонъ, и изъ его жизни мы наглядно убѣждаемся, до какой степени трагично бываетъ положеніе безпристрастныхъ служителей науки и вообще людей мирнаго и серьезнаго труда въ тѣ бурные историческіе моменты, когда подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ тенденцій разыграются общественныя страсти и когда не быть ярымъ приверженцемъ той или другой партіи значить, по мнѣнію большинства, быть преступникомъ, предателемъ. Такимъ людямъ остается одно утѣшеніе, одна слабая надежда, что когда-нибудь, хоть не скоро, хоть послѣ смерти, ихъ поймутъ и оцѣнятъ безпристрастно. Но могутъ-ли они быть въ томъ увѣрены? И какова будетъ эта оцѣнка: будутъ-ли ихъ благословлять, или проклинать?... Киркоръ допускалъ и послѣднее, и заранѣе прощалъ всѣмъ. Свои воспоминанія о Вильнѣ онъ заканчиваетъ такимъ трогательнымъ размышленіемъ: «Ктоже остался въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ?» спрашиваетъ онъ себя послѣ перечисленія болѣе выдающихся дѣятелей, съ которыми онъ нѣкогда вмѣстѣ работалъ и которые умерли раньше его, и отвѣчаетъ: «Изъ давнишнихъ дѣятелей не осталось тамъ ни одного... Подростаетъ молодое поколѣніе, учится кое-чему; въ людяхъ способныхъ никогда не было недостатка въ Литвѣ, а слѣдовательно найдутся такіе, которые будутъ пробовать свои силы. Это будутъ люди новые, возродившіеся; начнутъ, навѣрно, осужденіемъ и уничтоженіемъ насъ стариковъ, пойдутъ по новымъ направленіямъ, но все таки будутъ работать. Пошли имъ Богъ счастья!»

Н. Янчукъ.

Бел. аддел

1894 г.

80000000224052